АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК 1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1970

А. М. Щербак

ЕНИСЕЙСКИЕ РУНИЧЕСКИЕ НАДПИСИ. К ИСТОРИИ ОТКРЫТИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

I. Енисейские рунические надписи встречаются на территории Тувинской АССР и Хакасии. Материалом для них служил камень — продолговатые, округлые или прямоугольные плиты песчаника и гранита, которые закапывались в землю в вертикальном положении на глубину до одного метра. Некоторые надписи — наскальные (Туба II, Ах-юс, Хара-юс, Хая-Бажы, *resp.* Хая-Ужу, и т. д.). Небольшое количество надписей сделано на монетах, металлических зеркалах, бляшках, пряслице, золотых и серебряных сосудах.

Как в Туве, так и в Хакасии, стелы с надписями ставились главным образом на надпойменных террасах и горных плато вблизи Енисея и его притоков, либо по одной, либо по две и даже по четыре в одном месте. В непосредственной близости или рядом с ними сохраняются следы курганов, частично раскопанных археологами. По сведениям, собранным Л. Р. Кызласовым, камни были расположены преимущественно с восточной или юго-восточной стороны насыпей курганов [1].

Подробное описание первоначального местонахождения памятников и результатов археологических раскопок содержат работы А. В. Адрианова [2], А. О. Гейкеля [3], С. В. Киселева [4],

---

[1] Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, — СА, 1960, № 3, стр. 101.

[2] А. В. Адрианов, Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском Крае, Минусинск, 1902—1924; его же, Дневник раскопок, произведенных в Урянхайском крае (рукопись). Архив музея Томского университета, № 78 (согласно сообщению Л. Р. Кызласова).

[3] A. O. Heikel, Die Grabuntersuchungen und Funde bei Tascheba, — «Zeitschrift der Finnischen Altertumsgesellschaft», Helsinki, 1912, XXVI.

[4] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 598—604; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ, — КСИИМК, 1940, III, стр. 39—42; их же, Чаа-тас у села Копены, — «Труды ГИМ», 1940, XI, стр. 21—54.

Л. А. Евтюховой [5], Л. Р. Кызласова [6] и С. И. Вайнштейна [7].

В настоящее время памятники енисейской письменности хранятся в Кызыльском, Минусинском, Абаканском и Красноярском музеях, в Историческом музее в Москве, в Национальном музее в г. Хельсинки, часть их привезена в Ленинград (Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии АН СССР) и часть продолжает оставаться на месте (более подробно см. ниже) [8].

А. Надписи на камнях и скалах

Кызыльский музей

Уюк-Туран [9]	№ 3	Кызыл-Чираа I	№ 43
Барык I	№ 5	Кызыл-Чираа II	№ 44
Барык II	№ 6	Кежээлиг-Хову	№ 45
Барык III	№ 7	Телээ	№ 46
Барык IV	№ 8	Элегес I	№ 52
Кара-Суг	№ 9	Элегес II	№ 53
Чаа-Холь II	№ 14	Оттук-Даш III	№ 54
Чаа-Холь VI	№ 18	Кезек-Хурээ	№ 58
Чаа-Холь VIII	№ 20	«Усть-Элегес» (Хербис-Баары)	№ 59

Минусинский музей

Уюк-Тарлаг	№ 1	Алтын-кёль II	№ 29
Уюк-Аржан	№ 2	Уйбат I	№ 30
Оттук-Даш I	№ 4	Уйбат II	№ 31
«Элегеш» (Элегес)	№ 10	Уйбат III	№ 32
Бегре	№ 11	Туба I	№ 35
Чаа-Холь I	№ 13	«Туба III» (Алып)	№ 37
Чаа-Холь VII	№ 19	Ташеба	№ 40
Означенная	№ 25	Хемчик-Чиргакы	№ 41
«Ачура» (Очуры)	№ 26	«Памятник Минусинского музея» (Бай-Булун I)	№ 42
Оя	№ 27		
Алтын-кёль I	№ 28	«Абаканский памятник»	№ 48

[5] Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948; Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-Алтайская экспедиция, — КСИИМК, 1949, XXVI, стр. 120—127.

[6] Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 93—120; его же, О датировке памятников енисейской письменности, — СА, 1965, № 3, стр. 38—49; его же, Новый памятник енисейской письменности, — СЭ, 1965, № 2, стр. 107—111.

[7] С. И. Вайнштейн, Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары,— «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1963, X, стр. 264—267.

[8] Бо́льшая часть енисейских надписей осмотрена и обследована нами на месте их первоначального нахождения и в упомянутых выше музеях. Попутно заметим, что условия, в которых находятся памятники в Кызыльском и Минусинском музеях, не могут обеспечить их продолжительной сохранности.

[9] Стелы обозначены по названиям рек, населенных пунктов и урочищ, вблизи которых они были найдены. Нумерация их условна: в соответствующем порядке они приводятся в работе С. Е. Малова «Памятники енисейской письменности тюрков» — до № 51. Последующие номера присвоены вновь открытым или ранее неопубликованным памятникам.

«1-й памятник из Тувы» (Бай-Булун II) № 49
«2-й памятник из Тувы» № 50
«3-й памятник из Тувы» № 51
«Тувинская стела — Г» (Улуг-Сайра? Изд. С. В. Киселев, Д. М. Насилов) № 55
Малиновка [10] № 56
Сайгын (Борбак-Арыг) № 57
Оттук-Даш II (изд. И. А. Батманов и А. Ч. Куная) № 64
Эль-Бажы (изд. Д. М. Насилов) № 68
Чер-Чарык (изд. Д. М. Насилов) № 69

Музей антропологии и этнографии (г. Ленинград)

Чаа-Холь V № 17
Чаа-Холь IX № 21
Чаа-Холь X № 22
Чаа-Холь XI № 23
Подкунинская № 71

Национальный музей г. Хельсинки

Чаа-Холь IV № 16

На местах первоначального нахождения

Кули-Хем (Алдыы-Бель I) № 12
Чаа-Холь III № 15
Хая-Бажы (Хая-Ужу) № 24
Уйбат IV № 33
Уйбат V № 34
Туба II № 36
Ак-юс (Ах-юс) № 38
Кара-юс (Хара-юс) № 39
Саргал-Аксы № 60
Суглуг-Адыр-Аксы № 61
Канмыылдыг-Хову № 62
Ортаа-Хем № 63
Кара-Булун I № 65
Кара-Булун II № 66
Кара-Булун III № 67
Ир-Холь (Элегест IV) № 70
Алдыы-Бель II № 72
Ийме № 73

Б. Надписи на монетах, металлических зеркалах, сосудах и т. п.

Минусинский музей

Надпись на монете — Инв. № 5885 [11]
Надписи на зеркалах — Инв. № 5194, 5243
Надпись на пряслице — Инв. № 2164 (?)

Абаканский музей

Надпись на зеркале — Инв. № 5242

[10] Как любезно сообщил Л. Р. Кызласов, плита у кургана в с. Малиновка была осмотрена им вместе с С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой в 1947 г. В 1948 г. Э. Р. Рыгдылон доставил ее в Минусинск и сдал в местный музей, где впоследствии она затерялась.

[11] Вторую монету, бронзовую бляшку и пряслице нам не удалось обнаружить ни в экспозициях, ни в материалах, находящихся в фонде музея.

Эрмитаж

Надпись на серебряном сосуде из Уйбатского чаа-таса — Инв. № 4899-2

Государственный Исторический музей (г. Москва)

Надписи на золотых сосудах из Копёнского чаа-таса

II. Открытие первых рунических надписей на территории Хакасии связано с именем Д. Г. Мессершмидта, объехавшего Сибирь в 1720—1727 гг. и обнаружившего в 1721—1722 гг. первый уйбатский памятник и, совместно с Ф. И. Страленбергом, третий памятник у р. Тубы (каменная фигура человека с надписью на спине) [12]. В начале XIX в. территорию Хакасии обследовал Г. И. Спасский, опубликовавший результаты своего исследования в 1818 г. [13]. В 1847 г. на р. Уйбат и в других местах побывал М. А. Кастрен, который открыл пятый уйбатский памятник и стелу у д. Означенной. Несколько позднее Н. А. Костровым были найдены памятники с руническими письменами у устья р. Оя и около д. Очуры в Койбальской степи и Е. Ф. Корчаковым — два памятника у оз. Алтын-кёль. В 1885 г. И. П. Кузнецов открыл второй, в 1886 г. Д. А. Клеменц — первый, а в 1888—1889 гг. финская экспедиция — четвертый памятник у р. Уйбат, памятники Туба I, Ташеба и др. В разное время разными лицами были обнаружены надписи на скалах по берегам рек Туба, Ах-юс, Хара-юс, а также монеты и предметы хозяйственного назначения [14], точные места находки которых неизвестны.

Честь открытия первой надписи на территории Тувы принадлежит Г. Н. Потанину, который во время экспедиции 1879 г. обнаружил на левом берегу р. Каа-Хем стелу с надписью. Несколько позже, в 1881 г., А. В. Адрианов, путешествуя по

[12] Ph. von Strahlenberg, Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, Stockholm, 1730, стр. 409 и сл. (в этом же издании воспроизведена зарисовка фрагмента зеркала с руническими знаками, стр. 357); D. G. Messerschmidt, Forschungsreise durch Sibirien, 1720—1727, T. I, Berlin, 1962, стр. 174. См. также: В. В. Радлов, Сибирские древности, I, вып. 2, — «Материалы по археологии России», № 5. Приложения, СПб., 1891, стр. 31; вып. 3, — «Материалы по археологии России», № 15. Приложения, СПб., 1894, стр. 96 и сл.

[13] Г. И. Спасский, Древности Сибири (с приложением альбома), — «Сибирский вестник», ч. I, отд. 1, СПб., 1818, стр. 5—14, табл. II, III.

[14] См.: O. Donner, Wörterverzeichniss zu den Inscriptions de l'Iénisséi, Helsingfors, 1892, стр. 3, 65; Д. А. Клеменц, Северо-азиатские рунические письмена и чтение их, Иркутск, 1895, стр. 24.

верхнему течению Енисея и его притокам, открыл и скопировал надпись на скале Хая-Бажы (*resp.* Хая-Ужу). Копии этой надписи были посланы Н. М. Ядринцеву, который опубликовал их вместе с копиями других надписей (из Минусинского музея) в 1885 г.[15]. В 1888 г. в верховьях Енисея побывала финская экспедиция во главе с И. Аспелином[16], обследовавшая 17 рунических надписей (Уюк-Аржан, Уюк-Тарлаг, Уюк-Туран, Кара-Суг, Элегес, Кули-Хем, Чаа-Холь, Оттук-Даш, Хая-Бажы). В 1889 г. А. О. Гейкелем были найдены стелы Хемчик-Чиргакы и Чаа-Холь III, а в 1891 г. Д. А. Клеменц открыл памятники у р. Барык[17]. Другие находки относятся к более позднему времени.

В собирании памятников енисейской письменности важную роль сыграл Минусинский музей, ставший с конца XIX в. основным местом их сосредоточения[18].

III. Начало публикации енисейских надписей с текстами, переводами, комментариями, грамматическим очерком и словарем было положено В. В. Радловым, использовавшим материалы финской экспедиции и эстампажи В. А. Ошуркова[19].

---

[15] Н. М. Ядринцев, Древние памятники и письмена в Сибири, — «Литературный сборник», СПб., 1885, стр. 456—476. См. также: А. В. Адрианов, Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г., — ЗИРГО, 1888, XI, стр. 147—290, 402—421; Д. А. Клеменц, Древности Минусинского Музея. Памятники металлических эпох, Томск, 1886, стр. 39 и сл., 178.

[16] Inscriptions de l'Iénisséï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'Archéologie, Helsingfors, 1889. См. также: O. Donner, Wörterverzeichniss zu den Inscriptions de l'Iénisséï, стр. 66 (в этом издании опубликованы два новых текста: на стелах Чаа-Холь III и Хемчик-Чиргакы); J. Aspelin, Über die Jenisei-Inschriften, — «Zeitschrift für Ethnologie», XXI, Berlin, 1889, стр. 744—746; Alt-Altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887—1889, herausgegeben von H. Appelgren-Kivalo, Helsingfors, 1931 (в последнем издании имеется копия надписи с р. Уюк-Туран).

[17] См.: Л. Р. Кызласов, Краткая история археологического изучения Тувы, — «Вестник МГУ», 1965, № 3, стр. 56 и сл.

[18] См.: «Минусинский публичный местный музей. Десятилетие Минусинского музея. 1877—1887», Томск, 1887, стр. 53, 54, 56; «Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1889 год», Минусинск, 1890, стр. 11 (о сдаче в музей монеты и бронзовой бляшки); «Отчет... за 1892 год», Минусинск, 1893, стр. 5, 17; «Отчет... за 1893 год», Минусинск, 1894, стр. 7; «Отчет... за 1897 год», Минусинск, 1898, стр. 4; «Отчет... за 1900 год», Минусинск, 1901, стр. 13; «Отчет... за 1901 год», Красноярск, 1902, стр. 12; «Отчет... за 1902 год», Минусинск, 1903, стр. 16, 25 (о доставке камней, китайских зеркал и других предметов с надписями); «Отчет... за 1913 год», Минусинск, 1914, стр. 20. См. также: И. С. Боголюбский, Исследование древностей Красноярского и Минусинского округов, 1881, 1882 и 1883 годы, СПб., 1890, стр. 16 и сл.

[19] W. Radloff, Atlas der Alterthümer der Mongolei. Arbeiten der Orchon-Expedition, Zweite Lieferung, St.-Pbg., 1893; Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1896; его же, Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895, стр. 299—387.

В первой половине нынешнего столетия енисейские надписи привлекли внимание В. Томсена, Х. Н. Оркуна и С. Е. Малова. В. Томсен сделал поправки к чтению надписей с рек Барык, Элегес и наскальной надписи Хая-Бажы (Хая-Ужу) [20]. Х. Н. Оркун опубликовал с несколько измененным чтением и переводом 15 надписей из Хакасии и 27 — из Тувы [21]. В издание С. Е. Малова, помимо надписей, опубликованных Х. Н. Оркуном и С. В. Киселевым [22], вошли эпитафии Телээ, Элегес (I—II), Кызыл-Чираа (I, II) и Кёжээлиг-Хову [23]. Изданию отдельных надписей посвящены статьи или разделы в работах Ф. Р. Мартина [24], Э. Друэна [25], А. Н. Самойловича [26], Л. А. Евтюховой [27], С. В. Киселева [28], Э. Р. Рыгдылона [29], Ю. Л. Аранчына [30],

---

[20] V. Thomsen, Turcica. Etudes concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie, — MSFOu, XXXVII, 1916, стр. 38, 60, 65.

[21] H. N. Orkun, Eski türk yazıtları, III, İstanbul, 1940.

[22] С. В. Киселев, Неизданные надписи енисейских кыргызов, — ВДИ, 1939, № 3 (8), стр. 124—134 («Абаканский памятник», «1-й памятник из Тувы», — Бай-Булун II, «2-й памятник из Тувы», «3-й памятник из Тувы». Оттук-Даш I, Улуг-Сайра?).

[23] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.—Л., 1952; его же, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 68—75. Три надписи из Тувы (Хемчик-Чиргакы, Кызыл-Чираа I, Бай-Булун I) были изданы С. Е. Маловым в 1936 г., см.: С. Е. Малов, Новые памятники с турецкими рунами, — сб. «Язык и мышление», VI—VII, М.—Л., 1936, стр. 259—274.

[24] F. R. Martin, Sibirica, Stockholm, 1897, Taf. 25 (надписи на фрагментах зеркал).

[25] E. Droin, La monnaie bilingue de Minoussinsk, — «Bulletin de Numismatique», Paris, 1892, VIII, mars, стр. 133—135.

[26] А. Н. Самойлович, О надписи тюркскими рунами на р. Бегре в Тувинской республике, рукопись, Архив востоковедов Ин-та народов Азии АН СССР в Ленинграде, Р. II, оп. 4, № 56.

[27] Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 г., — ВДИ, 1939, № 4 (9), стр. 162; их же, Чаа-тас у села Копены, стр. 43, табл. II; Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), стр. 41—43 (надписи на золотых сосудах из Копенского чаа-таса).

[28] С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, стр. 601, 602, табл. LIII (надписи на золотых сосудах из Копенского чаа-таса и на пряслице из Минусинского музея); его же, Письменность енисейских кыргыз, — КСИИМК, 1949, XXV, стр. 37—40 (надпись на пряслице из Минусинского музея). Рец. см.: А. Н. Бернштам, — ВЛУ, 1950, № 4, стр. 167.

[29] Э. Р. Рыгдылон, Новые рунические надписи Минусинского Края, — ЭВ, 1951, IV, стр. 87—93 (надписи на камне у д. Малиновка в долине р. Уюк Тувинской АССР, на фрагментах зеркал, китайской монете и пряслице). Рец. см.: С. Е. Малов, — «Изв. ОЛЯ АН СССР», М., 1954, XIII, 2, стр. 197. Э. Р. Рыгдылон, Подкунинская руническая надпись, — ЭВ, 1956, XI, стр. 59—62.

[30] Ю. Л. Аранчын, Сайгынская плита с древнетюркской надписью, — ЭВ, 1951, V, стр. 76—77.

А. Н. Бернштама[31], Л. Базена[32], З. Б. Арагачы[33], А. М. Щербака[34], И. А. Батманова[35], А. К. Боровкова[36], Д. М. Насилова[37], Л. Р. Кызласова[38]. В 1963 и 1965 гг. И. А. Батманов и А. Ч. Куная издали три выпуска альбома рунических надписей Тувы[39].

Ряд памятников, главным образом из Хакасии (наскальная надпись у д. Фыркалы, надписи на фрагменте зеркала и на камнях из окрестностей Уйбатского чаа-таса, из улуса Усть-Сос Аскизского р-на, из могильника около улуса Чаптыкова[40], надписи, хранящиеся в Абаканском и Красноярском музеях и др.), будет опубликован в ближайшее время.

Повторные публикации надписей, имевшие место в последние годы, к сожалению, не внесли почти ничего нового в их чтение и интерпретацию. Между тем этот участок освоения

---

[31] А. Н. Бернштам, Древнетюркское письмо на р. Лене, — ЭВ, 1951, IV, стр. 85 (надпись на серебряной кружке из Уйбатского чаа-таса).

[32] L. Bazin, L'inscription d'Uyuğ-Tarlïq, — «Acta Orientalia», Kopenhagen, 1957, XXII, стр. 1—7.

[33] З. Б. Арагачы, Памятник с Элегеста, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1961, IX, стр. 235—237; ее же, Новые эпиграфические находки в Туве, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1963, X, стр. 247—256 (Саргал-Аксы, Суглук-Адыр-Аксы, Канмыылдыг-Хову, Ортаа-Хем); ее же (совместно с Д. М. Насиловым), О надписи на скале Хая-Ужу, — там же, стр. 257—263.

[34] А. М. Щербак, Новая руническая надпись на камне, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1961, IX, стр. 238—241; его же, Памятники рунического письма енисейских тюрок, — НАА, М., 1964, № 4, стр. 140—151 (Кызыл-Чираа I, II, Кёжээлиг-Хову, Телээ, Элегес II); его же, L'inscription runique d'Oust-Elégueste (Touva), — UAJb, 1964, XXXV, «B», стр. 145—149; его же, Еще раз о монетах с руническими надписями из Минусинска, — ВДИ, 1960, № 2, стр. 139—141.

[35] И. А. Батманов, Еще о надписи на скале Хая-Ужу, — «Труды Кызыльского пединститута», 1963, III, стр. 239—242; И. А. Батманов и А. Ч. Куная, Памятник из Ийме, — сб. «Материалы по общей тюркологии и дунгановедению», Фрунзе, 1964, стр. 92—94.

[36] А. К. Боровков, Енисейские надписи на сосудах, — сб. «Тюркологические исследования», М.—Л., 1963, стр. 194—196 (надписи на золотых сосудах из Копенского чаа-таса).

[37] Д. М. Насилов, О некоторых памятниках Минусинского музея, — НАА, 1963, № 6, стр. 124—129 (Улуг-Сайра?, Эль-Бажы, Чер-Чарык).

[38] Л. Р. Кызласов, Новый памятник енисейской письменности, стр. 104—113 (Ир-Холь; Элегес II).

[39] И. А. Батманов и А. Ч. Куная, Памятники древнетюркской письменности Тувы, вып. I, Кызыл, 1963 (Телээ, Чаа-Холь XIV, XVIII, XX, Оттук-Даш III, Кара-Суг, Барык I—IV, Элегес I, II, Хербис-Баары, Саргал-Аксы, Кезек-Хурээ, Кызыл-Чираа I, II, Уюк-Туран, Кёжээлиг-Хову); вып. II, Кызыл, 1963 (Уюк-Тарлаг, Уюк-Аржан, Хемчик-Чиргакы, Оттук-Даш I, II, Бегре, Чаа-Холь I, «2-й памятник из Тувы», Сайтын); вып. III, Кызыл, 1965 (Кара-Булун I, II, III, Алдыы-Бель I, II, Ийме, «3-й памятник из Тувы», Чер-Чарык, «Памятник Минусинского музея» — Бай-Булун I, «1-й памятник из Тувы» — Бай-Булун II).

[40] По сведениям, полученным от Л. Р. Кызласова и А. Н. Липского. Можно с уверенностью сказать, что существует еще много неоткрытых памятников.

енисейских надписей, являющийся бесспорно важнейшим и во многом предопределяющим уровень их лингвистического и культурно-исторического исследования, еще далек от окончательной разработки. Достаточно познакомиться с несколькими примерами из одного текста — с Бегре, чтобы убедиться в этом. Так, в конце 3-й строки названного текста вместо *öрӱнӱміг карамыӈ азыдым а* (С. Е. Малов, № 11, 3) отчетливо читается *ӱрӱӈӱмгä карамӈа аздïм* и вместо перевода «теперь я глух (и слеп) к своим стадам» можно предложить нечто иное: «я перестал различать белое и черное», т. е. умер (*аз-* 'заблуждаться'), ср. там же, в 1-й строке: *кӱн ај аздïм* 'я перестал различать солнце и луну'. Вместо *анта алыӈ адашыма анта сізімä äдгӱ äшімä адырылдым* 'там от своих бесчисленных друзей (или: от богатства и друзей) я отделился (т. е. умер) от вас моих, моих добрых товарищей' (С. Е. Малов, № 11, 8) лучше читать и переводить: *антлïӈ адашïма антсїз да ӛдгӱ ӛшімä адїрїлдїм* 'от моих товарищей, связанных со мной клятвой, а также от моих хороших друзей, не дававших клятву, я отделился'. Для 9-й строки: *бäш јäгірмі јашымда табӈач каньа бардым äр äрдämім ӱчӱн алпун алтун кӱмӱшіг äгрітäб äl дä кіші казӈандым а* 'в мои пятнадцать лет я пошел к китайскому императору ради моих способностей по геройству (*алпун?*); золото, серебро, дорогие ткани, в (китайском) государстве (и) людей (жену?) я приобрел' (С. Е. Малов, № 11, 9) предпочтительнее следующий перевод: «в мои пятнадцать лет я отправился к китайскому императору и благодаря моему мужеству и умению (*алпун?*) приобрел золото, серебро, одногорбых верблюдов (*ӛгрі тӛбä*)... ... (*ə̂лдä кіші?*)». Ср. надпись на памятнике с р. Телээ (№ 46): *ə̂лдä кішім ӛгрі тӛбӛ̂м тӧрт боталïм јїлкїм...*[41]. Сочетание *ӛгрі тӛбä* означает «одногорбый верблюд»[42]. Все другие варианты его толкования, например: *äгір іт äбі* 'конура собаки агир' (В. В. Радлов), *äгрітäбі* 'его попона' (В. Томсен, С. Е. Малов), *ӛгрітӛбі* 'обязан' («deruhde ettirip», Х. Н. Оркун), недостаточно убедительны. Кстати, наличие в этом сочетании слова *ӛгрі* следует считать вполне обычным, ср. у Махмуда Кашгарского: *тӛвӛ бојнїн ӛгрі тӛр* 'шею верблюда называют кривой (горбатой)' (МК I, 127). Существенные изменения должны быть внесены также в чтение и перевод памятников № 2, 3, 5, 10 и т. д. Разумеется, внесение исправлений нисколько не умаляет заслуг предшествующих исследо-

[41] См.: А. М. Щербак, Памятники руницеского письма енисейских тюрок, стр. 146.

[42] См.: R. Giraud, L'inscription de Baïn Tsokto. Édition critique, Paris, 1961, стр. 113; Jean-Paul Roux, Le chameau en Asie Centrale, — CAJ, 1959, V, 1, стр. 37.

вателей: чтение и перевод надписей, имеющих небольшие размеры и сохранившихся неполностью, связаны с большими трудностями, преодолеть которые можно только в результате длительного и упорного труда многих специалистов. В этой связи уместно привести здесь одно из высказываний С. Е. Малова, содержащееся в предисловии к «Енисейской письменности тюрков». Указывая на необходимость уточнения старых переводов, он пишет: «Моя цель: заменить эти прежние переводы енисейских надгробий новыми. „Я сделал, что мог, а лучшее пусть сделают могущие". Работы еще много».

В настоящее время остро ощущается необходимость в издании полного собрания енисейских надписей с фотографиями, эстампажами, уточненным чтением и переводом и подробным филологическим комментарием. Осуществление такого издания явилось бы началом нового этапа в изучении енисейской руники.

Тамги на стелах с эпитафиями и в наскальных надписях (см. табл. 1) изданы Э. Р. Рыгдылоном[43] и Л. Р. Кызласовым[44], причем последним из них была предпринята оригинальная попытка установить по тамговым знакам и расположению памятников генеалогию «древнехакасских» правителей и границы их феодальных уделов. Охарактеризовав тамги как наследственные родовые знаки, Л. Р. Кызласов затем приходит к выводу, что усложнение каждого элементарного типа является свидетельством перехода от одного поколения к другому по нисходящей линии[45]. Этот вывод заслуживает серьезного внимания и должен быть проверен с учетом палеографических и других данных. При этом следует сразу же заметить, что палеографические данные сами по себе не имеют решающего значения для определения относительной хронологии памятников: надписи в пределах одного и того же бага могли выбивать разные мастера.

IV. Общая характеристика енисейских надписей и их содержания предваряет почти любую специальную работу.

Енисейские надписи не велики: каждая из них состоит из нескольких строк, располагающихся вдоль камня. Самая большая надпись — Уйбат III (№ 32) — насчитывает более 400 знаков.

Тексты надписей представляют собой обычное прозаическое

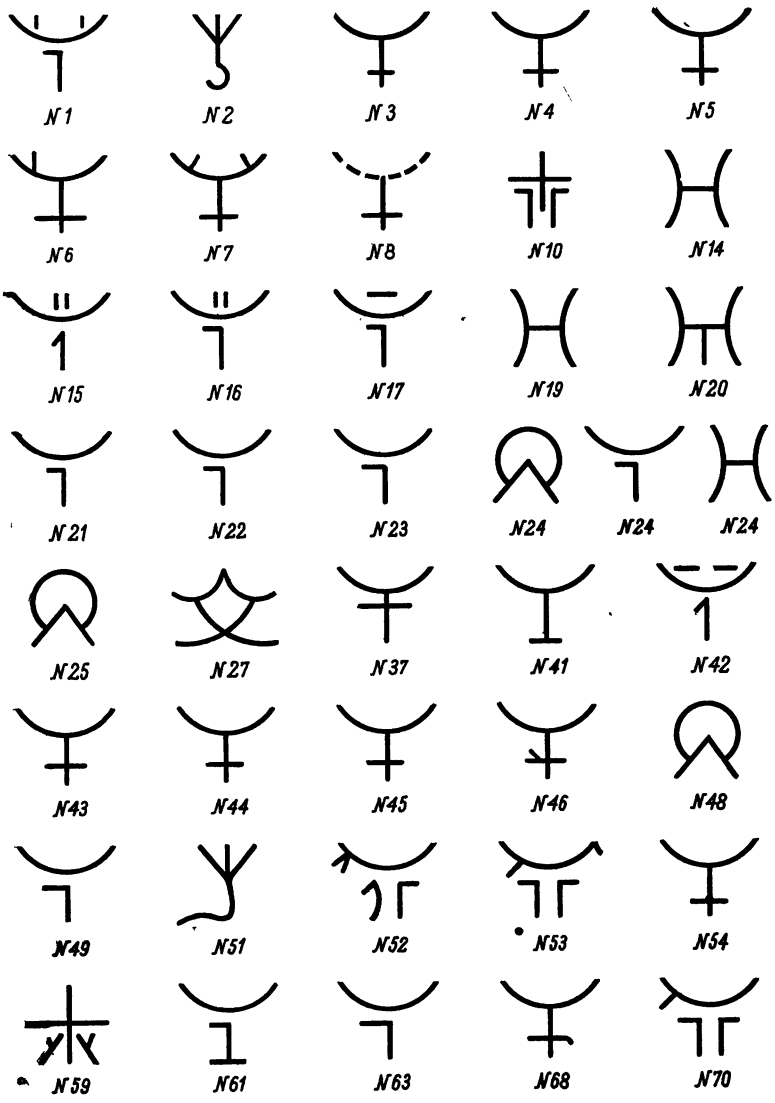
---

[43] Э. Р. Рыгдылон, О знаках на плитах с руническими надписями, — ЭВ, 1954, IX, стр. 63—72.

[44] Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 104—118; его же, О датировке памятников енисейской письменности, стр. 38—49.

[45] Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 105—107.

Табл. 1



повествование[46]. Правда, существует и другая точка зрения, согласно которой их следовало бы отнести к числу поэтических

[46] См.: В. М. Жирмунский, Некоторые проблемы теории тюркского стиха (тезисы доклада), — «Тюркологическая конференция, Ленинград, 7—10 июня», Л., 1967; L. Hřebíček, Are the Old-Turkic Inscriptions written in Verses? — AOr, 1967, XXXV, 3, стр. 477—482.

произведений. Эта точка зрения подробно излагается в монографии И. В. Стеблевой[47], которая рассматривает древнетюркское стихосложение как тонико-темпоральное (*resp.* тоническое, так как признак «темпоральности» обязателен для ритма вообще).

Выбор того или иного принципа стихосложения — тонического, квантитативного, силлабического или силлабо-тонического — предопределяется обычно историческими или чисто языковыми обстоятельствами. Так, например, исторические обстоятельства способствовали внедрению в поэзию ряда тюркских народов квантитативного метра (аруза). С другой стороны, чисто языковые факторы — более или менее равномерное распределение ударения с преобладающим усилением его в конце слова, исключающее возможность соразмерного чередования ударных и неударных слогов, — создали благоприятную почву для развития у тюркских народов силлабического стиха. Что касается тонической системы стихосложения, то для использования ее древними тюркскими народами не было ни исторических, ни языковых условий, и, таким образом, мы вправе считать, что древнетюркский народный стих, как и современный, был силлабическим, построенным по принципу изосиллабизма разных строк и повторяемости ритмических частей внутри каждой строки.

Итак, чтобы решить вопрос о правомерности рассмотрения енисейских текстов как поэтических произведений, необходимо установить, возможна ли разбивка их на стихотворные строки и строфы исходя из принципов построения силлабического стиха. Совершенно очевидно, что такая возможность отсутствует. См., например, начало текста из Кёжээлиг-Хову (№ 45) в поэтической записи И. В. Стеблевой:

(1) 1. *оɒлан атїм Чубуч*
2. *їнал... тӓ атїм Кӱмӱл өгӓ*
(2) 3. *бӟш јашїмта ƙаңсїз ƙалїп*
4. *тоƙуз јӟгірмі јашїмɒа өгсӱз болуп*
(3) 5. *ƙатїɒланїп*
6. *отуз јашїмɒа өгӓ болтум*[48].

[47] См.: И. В. Стеблева, Поэзия тюрков VI—VIII веков, М., 1965 (тексты енисейских эпитафий приводятся на стр. 97—102). Еще раньше А. Н. Бернштам высказал предположение, что енисейские эпитафии являются первыми поэтическими произведениями киргизской литературы (А. Н. Бернштам, Истоки киргизской литературы, — «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского филиала АН СССР», Фрунзе, 1945, I, стр. 80 и сл.).

[48] И. В. Стеблева, Поэзия тюрков..., стр. 99 (в транскрипцию и интерпретацию текста, приведенного в издании И. В. Стеблевой, мною внесены небольшие изменения.— *А. Щ.*).

Абсолютное большинство енисейских надписей — эпитафии. В начале их приводится имя покойного, описание его жизни, походов, сражений, затем выражается неудовлетворенность земным существованием и скорбь по поводу разлуки с родственниками, близкими, воинами и т. д.

Широко распространено мнение, что енисейские надписи не являются связными текстами, очень примитивны[49] и отражают стадию дологического мышления[50]. В самом деле, указанные надписи, как правило, лишены композиционной стройности и производят впечатление случайного набора отрывочных фраз, и все же примитивизм их скорее следствие недостаточной изученности, чем отражение каких-либо объективных моментов.

V. Палеографическим исследованием енисейских надписей в сравнении с орхонскими и таласскими и в связи с выяснением общих вопросов развития рунической письменности занимались В. В. Радлов и С. В. Киселев. В. В. Радлов и вслед за ним некоторые другие тюркологи подчеркивали значительное расхождение между енисейским и орхонским алфавитами. На этом основании и принимая также во внимание отсутствие на территории между р. Хануй и хребтом Танну-Ола каких-либо следов надписей, В. В. Радлов делал заключение о параллельном и независимом друг от друга развитии двух упомянутых разновидностей рунического письма. Местом, где произошло разветвление некогда единого алфавита, была, как он предполагает, территория, примыкающая к Черному Иртышу, от которой сравнительно недалеко до р. Хемчик и из которой вместе с тем нетрудно было пройти в бассейн р. Орхон[51].

С. В. Киселев разделял точку зрения В. В. Радлова о параллельном развитии енисейских и орхонских рун, но, учитывая, что «на всем протяжении от Кемчика до Черного Иртыша и на самом Черном Иртыше» надписей нет, считал колыбелью рунической письменности и исходным пунктом ее распространения Семиречье. Следует также отметить, что, по мнению С. В. Киселева, енисейские руны палеографически близки к таласским и, будучи более древними, чем орхонские, отражают «ту стадию рунической письменности, на которой еще не закончилось сложение буквенных форм»[52].

В отличие от В. В. Радлова и С. В. Киселева А. Габен

---

[49] См.: G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, London, 1962 («Prize Publication Fund», vol. XX), стр. 69.

[50] См.: L. Bazin, La turcologie: bilan provisoire, — «Diogène», Gallimard, 1958, № 24, стр. 106.

[51] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, St.-Pbg., 1895, стр. 301.

[52] С. В. Киселев, Краткий очерк древней истории хакасов, Абакан. 1951, стр. 70—73; его же, Древняя история Южной Сибири, стр. 607—610.

Табл. 2

	Енисейск.		*Орхонск.*
	Тув.	*Хак.*	
а, ä, э			
ə̂			—
б¹			
б²			
Б			
г			
д¹			
д²			
з			
i, ï, э			
j¹			
j²			
j̇	—	—	
k			
к			
(о)k, (у)k			
(ö)к, (ÿ)к			
(ï)k		—	
л¹			
л²			

Продолжение

	Енисейск.		Орхонск.
	Тув	Хак.	
лт	M	—	M
м	≫ ⊗ ⊕ ☘ ☘ ⊛ ⊳	≫	≫
н¹	⊃)(	⊃	⊃
н²	⋀ ⋀ ⋀ ⋀ ⋀ ⋀	⋀ ⋀ ⋀	⋀ ⋀ ⋀ ⋀
ӊ¹	○ ⊙ □ ◇	◇ Y	Y
ӊ²	Y Y	Y	Y
нт	⊙	⊙	⊙ ⊙ ⊙
нч	⋚ ⋚ ⋚ ⋚ ⋚	⋚ ⋚	⋚ ⋚
о, у	>	>	>
ӧ, ӱ	N ⊢ ⊢	N ⊢ ⊢	N ⊢
п	1	1	1
р¹	Ч Ч Ч Ч Ч Ч	Ч Ч Ч	Ч Ч
р²	⋎	⋎	⋎
с¹	⋎ ⋎	⋎	⋎ ⋎ ⋎
с²	|	|	|
т¹	⋏ ⋏	⋏	⋏ ⋏ ⋏
т²	⊢ ⊢ ⊢	⊢ ⊢	⊢
ч	⅄ ⅄	⅄	⅄
ш¹	⋎ ⋎ ⋎ ⋎	⋎ Λ	⋎ |
ш²	Λ ⊘		⋎

намечает следующий путь и последовательность развития рунической письменности: 1. Талас, 2. Енисей, 3. Орхон[53].

Пока трудно принять или отвергнуть какую-либо из приведенных выше точек зрения. Мы можем только указать на незначительность различий между руническими алфавитами Хакасии, Тувы и Монголии и проиллюстрировать это соответствующей таблицей. Как показывает последняя (табл. 2), первые два алфавита отличаются от третьего главным образом бо́льшим разнообразием графических вариантов.

VI. Наиболее полный список енисейских рун (с вариантами) приводят в своих работах А. Габен[54] и И. А. Батманов[55], подробное описание дано Дж. Клосоном[56].

В енисейском руническом алфавите 39 знаков, не считая те, которые не поддаются определенному чтению или являются не вполне обычными для него (например, знаки на пряслице, имеющие явно выраженный не-енисейский характер). Из них 5 служат для передачи гласных: *а—ä—ӭ*, *ӭ̂*, *ï—і—ӭ*, *о—у*, *ö—ÿ* и 28—для передачи согласных: *б*, *ҕ*, *д*, *j*, *k*, *л*, *н*, *ң*, *р*, *с*, *т*, *ш* (по два знака для каждого согласного, обозначающих велярный и палатальный варианты), *з*, *м*, *п*, *ч* (по одному знаку, без различия указанных вариантов). Шесть знаков используются для передачи сочетаний гласного с согласным или согласного с согласным: *ок—ук*, *ӧк—ӱк*, *ïк—ік*, *лт*, *нт*, *нч*.

Расшифровка большинства знаков енисейского алфавита является окончательной и общепринятой, чтение же некоторых из них периодически подвергается пересмотру или уточнению. Так, В. Томсен предложил читать знак ᛟ как закрытый *ӭ*[57], а Дж. Клосон высказался в пользу более широкой интерпретации рун, обозначающих *б*, *п* и *д* (*б — в*, *п—ф* и *д — δ*)[58]. Предположения В. Томсена и Дж. Клосона не встречают больших препятствий с фактической стороны. Тем не менее для окончательного решения этого вопроса необходимо иметь параллельные тексты, записанные другими алфавитами, или толкования рун, наподобие того, которое было издано Х. Н. Оркуном (к сожалению, сохранился лишь небольшой фрагмент)[59]. Особенно часто вносятся

---

[53] A. von Gabain, Alt-türkisches Schrifttum, — «Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», phil.-hist. Kl., Jg. 1948, III, Berlin, 1950, стр. 12.

[54] A. von Gabain, Alttürkische Grammatik, 2. verb. Aufl., Leipzig, 1950, стр. 12.

[55] И. А. Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 16 (табл.).

[56] G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 69—84.

[57] V. Thomsen, Une lettre méconnue des inscriptions de l'Iénissei, — JSFOu, 1916, XXX, стр. 1—9.

[58] G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 77.

[59] H. N. Orkun, Eski türk yazıtları, II, стр. 24.

коррективы в чтение знака ⋈. В. Банг рассматривал его как идеограмму для *баш* в значении «голова, вершина горы»[60], Р. Жиро считал указанный знак своеобразной лигатурой, передающей сочетание *ча* (*чӓ*)[61], а Дж. Клосон — лигатурой, передающей сочетание *лїk* или *пїk*[62].

VII. Язык енисейских надписей постоянно находился в центре внимания тюркологов, интересующихся вопросами истории тюркских языков. Описание его в различных аспектах содержат упомянутые выше работы В. Томсена, В. В. Радлова, Х. Н. Оркуна, С. Е. Малова и, кроме того, работы К. Брокельмана[63], И. А. Батманова, З. Б. Арагачы, Г. Ф. Бабушкина[64], В. М. Насилова[65] и др.

VII, 1. Лексика исследовалась преимущественно с целью выделения таких слов, которые имеют ограниченное распространение в тюркских языках и, таким образом, могут указывать на языковую принадлежность текстов. Уточнялись значения отдельных слов и фразеологических сочетаний[66].

В надписях встречается около 300 слов, относящихся к разным тематическим группам, ср.:

названия космических тел и явлений

aj 'луна', *кӱн* 'солнце', *jӭр* 'земля', *суб* 'вода', *тӭңрі* 'небо', *булут* 'облако';

названия частей тела

адаk 'нога', *kол* 'рука', *баш* 'голова', *бӭл* 'поясница', *jӱрӓк* 'сердце';

термины родства

ӭкӓ 'старшая сестра', *ӭр* 'муж, мужчина', *ӭчі* 'старший брат', *іні* 'младший брат', *jанчї*...(?), *jотуз* 'жена, женщина', *jурчї* 'шурин', 'свояченица', *kадаш* 'родственник', *kаң* 'отец', *kадїн*

---

[50] W. Bang, Turcica, — «Mitteilungen der Vorderasiatische Gesellschaft», Jg. 1916, Leipzig, 1917, стр. 289. Чтение В. Банга было принято С. Е. Маловым («Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии», стр. 65).

[61] R. Giraud, L'inscription de Baïn Tsokto, стр. 52.

[62] G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 78. См. также: G. J. Ramstedt, J. G. Granö und Pentti Aalto, Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei, — JSFOu, 1958, IX, стр. 55.

О чтении других знаков см.: O. N. Tuna, On the Phonetic Values of the Symbols X, ⊗, ⋉ Used in Some of the Texts in Kök-Turkish Script, —CAJ, 1966, XI, 4, стр. 241 и сл.

[63] C. Brockelmann, Zu den alttürkischen Inschriften aus dem Ienissei-Gebiet, — UAJb, 1952, XXIV, 1—2, стр. 137—142.

[64] И. А. Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности; И. А. Батманов, З. Б. Арагачы, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисеика, Фрунзе, 1962.

[65] В. М. Насилов, Язык орхоно-енисейских памятников, М., 1960.

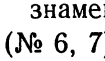
[66] См., например: T. Tekin, On a Misinterpreted Word in the Old Turkic Inscriptions, — UAJb, 1964, XXXV, «B», стр. 134—144 (о слове *ӭсіз, ӭсізім* 'жаль', 'увы').

'тесть', *kïз* 'девочка', 'дочь', *кӭлін* 'невестка', *кӱдӓгӱ* 'зять', *кӱн* (*кін*) 'родственница', *оҕул* (*оҕлан*) 'мальчик, юноша', 'сын', *ӧг* 'мать', *уjа* 'родственники', *тӧңӱр* 'свойственники' и т. д.

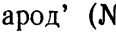
В ряде работ получили толкование термины, связанные с общественным устройством древних тюрок: *ӭл* 'племенной союз', *бодун* (*kара бодун*) 'народ', *баҕ* 'феодальный надел' (согласно толкованию Л. Р. Кызласоза); титулы и звания: *ӭлчі*, *бӭг*, *їнал*, *їнанчу*, *ічрӓкі*, *jалабач*, *jӭмліг*, *ӧгӓ*, *kан*, *саңун*, *тарkан*, *тӭгін*, *тутуk*, *чабїш*, *чігші*, *чур*, *шад*; этнонимы: *тӱргӓш ӭл* (№ 37), *jӱз кӱмӱл бодун* (№ 44, 45), *тоkуз татар* (№ 59)[67].

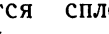
VII, 2. Исследование фонетики проводилось по линии установления звуков и основных фонетических явлений.

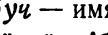
Опираясь на анализ текстов и учитывая другие факты, можно предположить, что в языке енисейских надписей было девять гласных фонем (различение открытого и закрытого *ӭ* не являлось исконным: закрытый *ӭ* встречается в соседстве с *j* и на месте общетюркского **ӓ*).

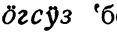


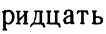
Для языка надписей характерно наличие последовательно выраженной палатально-велярной и проявляющейся частично губной гармонии гласных. При этом огубленные гласные обозначались регулярно лишь в первом слоге и в конце слова; во втором и третьем (закрытом) слогах имели место колебания. Так, для ряда текстов графическое изображение огубленных гласных в непервых слогах полностью исключено, в отдельных текстах оно наблюдается в одном-двух словах, ср. [illegible] *кӱлӱг* 'известный, знаменитый' (№ 6, 7), [illegible] *буңусуз* 'беспечальный' (№ 6, 7), [illegible] *оҕлум* 'мой сын' (№ 20), [illegible] *бодун* 'народ' (№ 32), а в надписи из Кежээлиг-Хову (№ 45) является сплошным, ср. [illegible] *кӱмӱл* — этноним, [illegible] *Чубуч* — имя собственное, [illegible] *тоkуз* 'девять', [illegible] *ӧгсӱз* 'без матери', [illegible] *болуп* 'став', [illegible] *отуз* 'тридцать', [illegible] *болтум* 'я стал', [illegible] *тутдум* 'я держал', [illegible] *бодун* 'народ', [illegible] *субум* 'моя вода', [illegible] *kунчуjум* 'моя госпожа', [illegible] *ӱрӱңӱм* 'мое «белое»', [illegible] *бодунум* 'мой народ', [illegible] *ӱкӱш* 'много', [illegible] *бултум* 'я на-

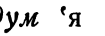


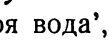


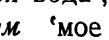


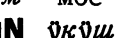


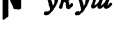


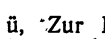


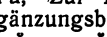


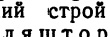


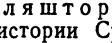


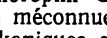


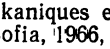












[67] M. F. Köprülü, Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur, — KCsA, Budapest, 1938, I. Ergänzungsband, 4, стр. 334—336; А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI—VIII веков, М.—Л., 1946; С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 23, 31, 42, 91; L. Bazin, L'antiquité méconnue du titre turc «čavuš», — «Ier Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. Résumés des communications linguistiques», Sofia, 1966, стр. 7—11, 13.

шел, «собрал»'. Вопрос о возможности существования гармонии согласных остается пока открытым. По-видимому, был прав В. Томсен, который в отличие от И. Крамского[68] и некоторых других тюркологов видел в парности графической передачи согласных не отражение их собственных различий, а прием обозначения тембра соседних гласных[69].

В распределении согласных прослеживаются особенности, типичные для восточной (так называемой уйгуро-карлукской) группы тюркских языков. В енисейских надписях нет ни одного слова, которое бы начиналось согласными *ӌ*, *г*, *д*, *з*, *л*, *м*, *н*, *ң*, *п*, *р*, *ш*. Из звонких в начальной позиции возможны только *б* и *j*. В конце слова встречаются любые согласные.

Обращает на себя внимание большая устойчивость качества глухих шумных согласных в положении перед гласными при наращении морфологических элементов, ср. *кїзӌакїм* (*кїзӌак*) 'мои дочери' (№ 3), *јолукајїн* (*јолук*) 'встречусь-ка я' (№ 10), *тӱкәтї* (*тӱкәт*) 'полностью' (№ 11), *атїм* (*ат*) 'мое имя' (№ 15), *кәјікі* (*кәјік*) 'его газели', *барсїм* (*барс*) 'мой барс' (№ 28), *әгсӱкӱм* (*әгсӱк*) 'мои недостатки', *јӱрәкім* (*јӱрәк*) 'мое сердце', *тусум* (*тус*) 'польза, принесенная мною' (№ 44).

В соседстве с любыми гласными и согласными, кроме сонорных, завершающих основу, в начале аффиксальных морфем наблюдаются обычно звонкие смычные согласные: *тапдїм* 'я оказывал услуги, служил' (№ 13, 46), *әлтді* 'она носила' (№ 28), *кәјікдә* '(среди) зверей', *јаӷїда* '(среди) врагов' (№ 44), *тутдум* 'я держал', *аздїм* 'я заблудился' (№ 45), *кујда* 'в покоях, в тереме' (№ 46), *тоқуз әліг јашда* 'в 49 лет'. Ср. также: *артзун* 'пусть увеличится' (№ 48), где в начале аффикса после глухого смычного согласного оказывается звонкий щелевой. В сочетании же с сонорными согласными на месте второго компонента выступают как глухие, так и звонкие смычные, например: *јашїмда* 'в моем возрасте', *әлімкә* 'моему племенному союзу', *әртім* 'я был', *бодунка* 'народу' (№ 1), *бәліттә* 'на моей пояснице', *бантїм* 'я повязал себе', *әліттә* 'в моем племенном союзе', *јунтум* 'мои лошади', *адїрїлтїм* 'я отделился' (№ 3), *болдум* 'я стал', *кїлдї* 'он сделал', *әрдә* '(среди) мужей', *адїрїлдїм* 'я отделился' (№ 6), *тәңрідәкі* 'находящийся на небе', *күнкә* 'солнцу', *јәрдәкі* 'находящийся на земле', *оӷлумка* 'в отношении моих сыновей', *адїрїлдїм* 'я отделился' (№ 7), *өлӱртӱм* 'я убил', *кїрк јашїмда* 'в мои сорок лет' (№ 44), *бәш јашїмта* 'в мои пять лет', *тоқуз јәгірмі јашїмӷа* 'к моим де-

[68] J. Krámský, Über den Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den ural-altaischen Sprachen, — ZDMG, Wiesbaden, 1956, CVI, стр. 126, 127.

[69] [V. Thomsen], Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées par V. Thomsen, Helsingfors, 1896 (MSFOu, V), стр. 17.

вятнадцати годам', *болтум* 'я стал', *күнгä* 'в отношении солнца', *јунтум* 'мои лошади', *кїлтїм* 'я сделал' (№ 45) и т. д. Различия в качестве аффиксальных смычных, выступающих после шумных смычных основы и после сонантов, остаются пока необъясненными. Напомним, что О. Прицак высказал предположение о существовании в древних тюркских языках оппозиции начальных согласных в аффиксах по признаку силы/слабости, например: *-ті* (афф. наречий) и *-ді* (афф. глагольной формы прошедшего времени), *-ка* (афф. дательного падежа) и *-ɣа(ру)* (афф. направительного падежа) и т. д. В соседстве с сонантами, по мнению О. Прицака, слабые согласные вследствие диссимилятивных изменений превращались в сильные, и таким образом происходила нейтрализация указанной оппозиции: *нд>нт*, *лд>лт*, *рд>рт* [70].

Примечательной особенностью языка надписей является отражение пратюркского δ в виде *д*, ср.: *күдägү* 'зять' (№ 3), *адак* 'нога' (№ 10), *кадїн* 'тесть' (№ 17), *адїрїлтїм* 'я отделился' (№ 43), *бодунум* 'мой народ', *бӧдүк* 'великий' (№ 45), и в виде *j*: *кӧјікдä* '(среди) зверей' (№ 44). В данном случае, возможно, употреблялся межзубный δ, для которого не было специального знака и который поэтому обозначался ближайшими графическими средствами.

VII, 3. Изучение морфологии из-за небольших размеров и нарочитой однотипности синтаксических конструкций было ограниченным и носило эпизодический характер [71]. Приведем полный перечень встречающихся форм: местный падеж на *-да~-дä~-та~-тä*, винительный падеж на *-їɣ~-іг~-уɣ~-ӱг*, дательный на *-ɣа~-гä~-ка~-кä*, *-а~-ä*, орудный на *-їн~-ін*; формы принадлежности 1-го, 2-го и 3-го лица ед. числа на *-їм~-ім~-ум~-ӱм*, *-їң~-ің~-уң~-ӱң*, *-(с)ї~-(с)і* и 2-го лица мн. числа на *-їңіз~-іңіз~-уңуз~-ӱңӱз*; относительные прилагательные на *-лїɣ~-ліг~-луɣ~-лӱг*, *-кї~-кі*, *-дакї~-дäкі~-такї~-täкі*; формы отыменного и отглагольного образования имен на *-к~-к*, *-дам*; прошедшее категорическое на *-дї~-ді~-ду~-дӱ~-тї~-ті~-ту~-тӱ*; форма страдательного залога на *-їл~-іл*; форма возвратного залога на *-їн~-ін*; форма совместно-взаимного залога на *-їш~-іш*; форма каузатива на *-ур~-ӱр*; формы повелительно-желательного наклонения 1-го, 2-го и 3-го лица на *-аjїн~-äjін*, —, *-ɣїл~-гіл*, *-їң~-ің*, *-зун~-сун*; форма условного наклонения на *-сар~-сäр*; отглагольные имена—причастия на *-дук~-дӱк*, *-мїш~-міш*, *-ар~-äр~-ур~-ӱр*; деепричастия на *-їп~-іп;* форма именной приативности на *-сїз~-сіз~-суз~*

[70] O. Pritsak, Die Herkunft der Allophone und Allomorphe im Türkischen, — UAJb, 1961, XXXII, 1—2, стр. 143.

[71] См.: A. von Gabain, Über Ortsbezeichnungen im Alttürkischen, — StO, 1950, XIV$_5$, стр. 1—14.

-сӱз; форма множественного числа на *-лар~-лӓр*; послелоги *ӱчӱн*, *бірлӓ*, *ара*, *ічінтӓ*.

Отметим, что употребление в енисейских надписях двух аффиксов дательного падежа (преимущественно для форм принадлежности) не служит целям различения каких-либо семантических оттенков [72]. Причины подобной двойственности пока не ясны.

VII, 4. Большие усилия были приложены для отыскания в языке енисейских надписей следов разных говоров.

И. А. Батманов, начавший работу в этой области несколько лет назад, выделил два наречия, различающихся рефлексами общетюркского **ӓ* (*ӟ* — наречие и *і* — наречие), и шесть диалектов — в зависимости от характера отражения общетюркских **с* и **ш*, по три в каждом наречии (*ш* — диалект, *ш*>*с* — диалект и *с*>*ш* — диалект) [73]. Нисколько не отрицая положительного значения поисков И. А. Батманова, мы должны вместе с тем отметить недостаточную обоснованность разграничения енисейских текстов по названным признакам и прежде всего по признаку употребления *і* вместо *ӟ*. Хорошо известно, что почти все рунические знаки, служившие для передачи гласных, были полифонными и что знак обозначал не только *ї*(*і*), но и *ӟ* [74]. Поэтому в памятниках № 6, 15, 26—29, 31, 32, которые И. А. Батманов относит к *і*-наречию, параллельно встречаются слова с пропуском знака, обычно рассматриваемым как способ передачи *ӟ* (*ӓ*), см., например, *ӟр* 'мужской', *тӟгін* 'принц', *бӟн* 'я', *ӟдгӱ* 'хороший', *ӟліг*—50. Кстати, кажущееся появление *і* вместо *ӟ* имеет место почти исключительно в словах *ӟл* 'племенной союз', *ӟлт-* 'носить', *ӟліг* — 50 и *ӟчі* 'старший брат' и наблюдается чрезвычайно редко (№ 6 — один случай, № 15 — один, № 26 — два, № 27 — два, № 28 — три, № 29 — три). Приблизительно так же обстоит дело с выделением диалектов по признаку употребления *с* вместо *ш* и *ш* вместо *с* [75]. Енисейские тюрки имели в своем распоряжении два знака для *с* (с различными вариантами — твердорядный *с*, — мягкорядный *с*) и

[72] Иную точку зрения высказывает Л. Базен. См.: L. Bazin, L'inscription d'Uyuğ-Tarlïq, стр. 1—7.

[73] И. А. Батманов, З. Б. Арагачи, Г. Ф. Бабушкин, Современная и древняя енисейка, стр. 45—50; И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности, — «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», Кызыл, 1963, X, стр. 297. См. также: T. Tekin, Bir «runik» harfın fonetik değeri hakkında, — «Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü yayınları»: 19, Seri: I,— Sayı: A 2 (Reşid Rahmeti Arat için), Ankara, 1966, стр. 412—417.

[74] См.: V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon..., стр. 14—16 (изложение см. в работе: П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, — ЗВОРАО, 1899, XII, стр. 20—21); W. Radloff, Zur Geschichte des türkischen Vocalsystems, — ИАН, СПб., 1901, XIV, № 4, стр. 425—462.

[75] Для некоторых надписей способ передачи *с* и *ш* установить невозможно из-за отсутствия в них слов с указанными звуками. Памятник № 41 не учтен по той причине, что в своей значительной части он до сих пор не поддается чтению и таит в себе много загадочного.

один знак для *ш* (⋀, в некоторых надписях, например, № 15, 16 — ◇ или ⊐), см. № 2, 3, 6, 13, 18, 25, 28, 30, 34, 42, 44, 45, 48, 49, 51[76]. В четырех текстах (№ 10, 11, 29, 59) средства передачи *с* и *ш* распределены несколько иначе: ⋎ — твердорядные *с*, *ш*, | — мягкорядный *с*, ⋀ — мягкорядный *ш*, однако и в этом случае, вызванном необходимостью различения твердорядного и мягкорядного *ш*, полного совпадения графической передачи *с* и *ш* не было (мягкорядные *с* и *ш* передавались разными знаками).

Дж. Клосон использовал в качестве разграничительного признака фонетический облик местоимения 1-го лица ед. числа: *мӘн* — в надписях из Хакасии (исключения — № 37, 48), *бӘн* — в надписях из Тувы (исключения — № 10, 45)[77]. Этот признак, вообще говоря, примечателен и используется при классификации тюркских языков, но в данном случае он не имеет решающего значения, так как в других словах соответствующей группы подобное разграничение не наблюдается и в начале слова выступает только *б*, ср. *бің* — 1000, *буң* 'печаль', *бӘңгӱ* 'вечный', *бін-* 'садиться верхом'.

Таким образом, попытки выделить в языке енисейских надписей разные диалекты пока не принесли ощутимых результатов. Разумеется, это не значит, что на огромной территории Тувы и Хакасии был совершенно единый язык. Мы вправе говорить об отсутствии заметных диалектных различий, лишь имея в виду язык письменных памятников.

VII, 5. Об отношении языка енисейских надписей к современным тюркским языкам высказывались разные мнения. Первые исследователи рунических текстов были единодушны в признании наличия большого количества особенностей, сближающих их язык с огузскими и карлукско-уйгурскими языками. Действительно, состав звуков и их распределение (например, наличие *ӷ* и *б* в анлауте, присутствие глухих согласных в интервокальном положении, состав грамматических форм и способ образования числительных, обозначающих десятки) не позволяют сделать иного вывода. Тем не менее тюркологи, изучавшие язык надписей в последующий период, сочли возможным квалифицировать его как древнейшее состояние в первую очередь киргизского[78] или тувинского и хакасского языков[79]. Правда, новая точка зрения имеет строго определенные локальные границы и широкого распространения в среде специалистов не получила. Еще

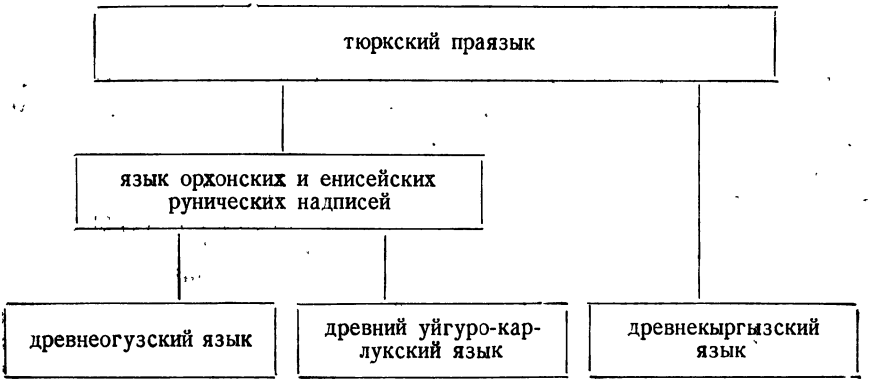
[76] Подробно об этом см.: А. М. Щербак, Памятники рунического письма енисейских тюрок, стр. 150.

[77] G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 69.

[78] См.: А. Н. Бернштам, Истоки киргизской литературы, стр. 80.

[79] И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников, стр. 294, 297.

в 1940 г. К. К. Юдахин справедливо заметил, что «лингвистических данных для сближения языка этих надписей с современным киргизским языком пока нет»[80]. Добавим, что нет никаких лингвистических данных и для сближения его с тувинским и хакасским языками. Конечно, современные языки отделены от языка енисейских тюрок большим периодом времени, и поэтому различия между ними могут быть следствием исторических изменений. Однако объяснить все различия историческими изменениями невозможно. Дело в том, что язык енисейских надписей отражает такой модус развития общетюркского языкового достояния, который, как мы осмеливаемся утверждать, никогда не мог быть одним из древних срезов киргизского, хакасского или тувинского языков. Поясним эту мысль небольшой схемой, имеющей чисто прикладное значение:



Для общего представления о языке надписей важное значение имеет фонетический облик различных слов: *ӱч* 'три', *бӛш* 'пять', *ӟшіd-* 'слышать', *jӛtі* 'семь', *сӛкіз* 'восемь', *тоқуз* 'девять', *jӛрӱ-* 'ходить', *jӱз* 'сто', *кач-* 'бежать, убегать'; структура числительных, обозначающих десятки: *jӛгірмі*—20, *отуз*—30, *кӱрк* — 40, *ӟліг* — 50, *алтміш* — 60, *jӛтміш* — 70 (ср. турецк., узб. *jӛтміш*, кирг. *жӛтміш*, хак. *чітон*, тув. *чӛдӛн*); состав грамматических форм: причастия на *-міш ~ -міш*, *-дук ~ -дӱк* и т. д.

VIII. Вопрос о датировке енисейских надписей — один из наиболее трудных: в самих текстах нет ни прямых, ни косвенных указаний на время их составления. В. В. Радлов, опиравшийся на содержание текстов и палеографические данные, относил их к концу VII или началу VIII в.[81] В. Томсен и П. М. Мелиоран-

[80] К. К. Юдахин, Киргизско-русский словарь, М., 1940, стр. 6.

[81] W. Radloff, Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Dritte Lieferung, стр. 301—303.

ский, которые воспринимали енисейскую письменность как более архаическую по сравнению с орхонской, относили составление надписей к VI—VII вв.[82], С. Е. Малов — к V—VI вв.[83]. Против датировки В. Томсена, П. М. Мелиоранского и С. Е. Малова выступил Л. Р. Кызласов, который, ссылаясь на археологические данные, решительно заявил, что все известные енисейские надписи, за исключением двух на камнях (№ 32, 40) и трех на сосудах, были составлены не ранее IX—X вв. Третий памятник с Уйбата (№ 32) Л. Р. Кызласов датировал VII в., а памятник с Ташеба (№ 40) — VIII в.[84]. Точку зрения Л. Р. Кызласова разделяет Дж. Клосон, отмечающий вместе с тем отсутствие достаточных оснований для отнесения к более раннему, чем IX в., времени памятников № 32 и № 40[85].

IX. Проблема происхождения енисейского рунического алфавита, как и вообще рунического письма у тюрок, привлекала к себе внимание специалистов главным образом в конце прошлого столетия. Сразу же после расшифровки орхоно-енисейского алфавита В. Томсен указал в общей форме на связь тюркских рун с арамейскими буквами[86], а О. Доннер предпринял попытку сблизить их с одной из разновидностей арамейского письма, зафиксированной на аршакидских монетах[87]. Почти одновременно с работами В. Томсена и О. Доннера появились статьи Н. А. Аристова[88] и Н. Маллицкого[89], в которых была высказана мысль о происхождении древнетюркских рун из тамг, оформившаяся впоследствии в гипотезу о существовании особого тамгово-пиктографического этапа развития древнетюркской письменности[90]. В некотором смысле компромиссной явилась точка зрения Д. Н. Соколова, поддержавшего гипотезу В. Томсена и О. Доннера и в то же время высказавшего предположение о роли формы тамг в «национализации» букв

---

[82] V. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, стр. 53; П. М. Мелиоранский, Памятник в честь Кюль-Тегина, стр. 47—48.

[83] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, стр. 7—8. См. также: И. А. Батманов, О датировке енисейских памятников, стр. 291—302.

[84] Л. Р. Кызласов, Новая датировка памятников енисейской письменности, стр. 96, 117—120.

[85] G. Clauson, Turkish and Mongolian Studies, стр. 70.

[86] V. Thomsen, Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Iénisseï, Copenhague, 1894, стр. 47.

[87] O. Donner, Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie, — JSFOu, 1896, XIV, стр. 5, 44.

[88] Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов..., — «Живая старина», СПб., 1894, III—IV, стр. 418—419.

[89] Н. Маллицкий, О связи тюркских тамг с орхонскими письменами, — ПТКЛА, год третий, 1897—1898, стр. 43—46.

[90] См.: А. Соколов. От камня к печатному станку, — «Культура и письменность Востока», Баку, 1928, II, стр. 116, 118.

арамейского алфавита[91]. В 1938 г. А. Дж. Эмре выступил с попыткой идеографического объяснения всех знаков руничеcкого письма[92].

Из приведенных выше гипотез наиболее вероятной кажется первая. Использование арамейского письма древними тюрками явилось естественным выражением тех интенсивных культурных связей, которые они постоянно поддерживали с согдийцами, сыгравшими, как известно, важную роль в появлении у тюрок и двух других алфавитов — уйгурского и манихейского.

X. Подробные библиографические данные, относящиеся к открытию и изучению енисейских надписей, имеются в названных выше работах и в специальном библиографическом указателе[93], который охватывает только дореволюционный период[94].

[91] Д. Н. Соколов, О башкирских тамгах, — «Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии», Оренбург, 1904, XIII, стр. 85.

[92] A. C. Emre, Eski türk yazısının menşeği, Istanbul, 1938. О возможности идеографической интерпретации отдельных рун см.: Е. Д. Поливанов, Идеографический мотив в формации орхонского алфавита, — «Бюлл. САГУ», Ташкент, 1925, № 9, стр. 177—179; A. von Gabain, Alt-türkisches Schrifttum, стр. 11.

[93] А. Н. Самойлович, Материалы для указателя литературы по енисейско-орхонской письменности, — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического об-ва», СПб., 1914, XV, 1, 1912, стр. 55—80.

[94] Считаю своим долгом выразить искреннюю глубокую благодарность Л. Р. Кызласову, информировавшему меня о новых находках в Хакасии и Туве и сделавшему, после ознакомления с рукописью настоящего обзора, много ценных замечаний. Благодарю также за полезные советы С. Г. Кляшторного.